

Осипов Б.И. Краткий курс русского языка. Омск, 2003. 3-е изд., испр. и доп. 373 с.

Основная цель учебного пособия Б.И. Осипова «Краткий курс русского языка» – дать лингвистический минимум тем, для кого русский язык не является профилирующим предметом. В нем изложены необходимые сведения по фонетике, графике и орфографии; лексикологии и фразеологии; грамматике и пунктуации. Кроме того, здесь находит отражение совершенно необходимый современному носителю русского языка материал о русском языке и его письменности в контексте мировой культуры.

Более трети всей книги занимает фонетический раздел с примыкающим к нему графико-орфографическим материалом. На фоне изложенного с максимальной полнотой фонетического материала довольно скромно выглядит орфоэпическая часть. Может быть, следовало бы больше внимания уделить старомосковской орфоэпической норме, которая в основных своих проявления «отвергнута» современной кодификацией, но продолжает жить в речи старшего поколения москвичей, используется как фонетическая краска в сценической практике и составляет фонетическую «партитуру» классического стиха. При этом следует отметить справедливое замечание автора о том, что современное русское произношение не идет по пути сближения с правописанием, как отмечал когда-то Л. Щерба и другие исследователи. Автором утверждается примат внутренних факторов фонетической системы над правописанием. Но, вероятно, трудно согласиться с мнением о том, что орфоэпия Малого театра, который в прошлом действительно был «колыбелью» русской орфоэпии, сыграл роль стабилизирующего звена в формировании и стабилизации ее норм, до сих пор остается орфоэпическим эталоном. Сейчас, как отмечают исследователи, сценическая речь в целом и Малого театра в частности подвержена тем же тенденциям, что произношение внесценическое; для современной орфоэпической ситуации, по утверждению М.В. Панова, характерно как раз отсутствие «орфоэпической горы», как это было прежде.

К несомненным достоинствам учебного пособия следует отнести стремление автора последовательно разграничивать такие поня-

тия, как *язык* и *письмо*, представленные в их неизбежном взаимодействии; аргументированно, опираясь на факты современного письма, излагать свою позицию в дискуссионном вопросе о ведущем принципе русского правописания и уделить должное внимание фактам истории русского письма, включая новейшие данные. Весь этот материал совершенно необходим в формировании отсутствующей в современном обществе лингвистической компетентности.

Обращает на себя внимание орфографический эксперимент автора: эпиграф ко всему разделу, в отличие от других, дан в дореформенном орфографическом облике: этим автор, с одной стороны, отдает должное прошлому русского письма и, с другой – отражает развитие одной из тенденций русского письма постсоветского периода.

Следует отметить необычное расположение двух разделов курса, обычно составляющих самостоятельные дисциплины или разделы первого уровня членения. Это – «Морфология» и «Словообразование». Раздел «Словообразование» помещен как лекция в рубрику «Лексикология» (лекция III), а раздел «Морфология» – также в статусе лекции в разделе «Синтаксис» (Лекция VI). Такое членение всего материала обусловлено, как видится, двумя причинами.

Первая причина – компактность курса – два семестра. Для сравнения можно привести объем соответствующего курса у русистов – 6 семестров. При дефиците времени лектору и автору учебного пособия приходится жертвовать если не учебным материалом, то его важностью. Вторая причина – изменившееся за последнее время отношение к морфологии, морфемике и словообразованию как научным и учебным дисциплинам.

Понижению статуса словообразования способствовал, по всей видимости, лексикоцентрический подход к языку, вновь отвоевывающий свои позиции непосредственно на наших глазах. При грамматикоцентрическом подходе, царившем в русистике всю вторую половину 20-го века, акцентировалась роль регулярных языковых механизмов, соответственно, словообразование воспринималось, скорее, как раздел грамматики. Поэтому воздадим должное смелости Б.И. Осипова, определившего эту дисциплину как часть лексикологии.

В отношении морфологии Б.И. Осипов реализует популярное в 80-е годы представление о подчиненном положении морфологии относительно синтаксиса. Следует отметить, что как раз на это время приходится расцвет русской функциональной грамматики [Бондарко, 1983; 1984; Проблемы функциональной грамматики, 1987; Теория

функциональной грамматики, 1987; 1988 и др.], в которой размышляется ведущая роль морфологии в грамматической системе языка. Настоящее время характеризуется возвратом к собственно морфологической проблематике в связи с развитием этнолингвистики, которую морфология интересует как один из самых идиоэтнических разделов языка.

Можно сказать, что принципиальной новизной содержание этих двух разделов не отличается. В лекции «Словообразование» очень мало внимания уделяется мотивационным отношениям и подробно описываются словообразовательные типы (с. 177–189). При этом автор избавляется от морфемцентризма, присущего русской дериватологической традиции: с одинаковой подробностью он описывает «семантическое» и «морфемное» словообразование. Отказ от морфемцентризма выражается также и в том, что морфемике в учебном пособии посвящен один параграф, меньше страницы текста (с. 192–193). В лекции «Морфология» методически интересно описание разрядов русских словоформ с использованием специально сконструированного текста и таблицы, демонстрирующей реализованные в русском словоизменении комбинации морфологических значений (с. 262–266).

В отличие от словообразования и морфологии, пунктуации в учебном пособии Б.И. Осипова отводится отдельный раздел.

И в нем автору есть что сказать. Во-первых, по-новому определяется состав знаков препинания. Так, дефис и междусловный пробел Б.И. Осипов относит к пунктуационным знакам (с. 351, 353)*, а кавычки выводит из состава знаков препинания (с. 352).

Автор так определяет ведущий принцип русской пунктуации: «Большинство знаков препинания в тексте соответствует коммуникативному членению, но это соответствие определяется совпадением коммуникативного членения с конструктивным» (с. 354). Таким образом, Б.И. Осипов постулирует в целом характерное для единиц культуривированной формы языка сложное взаимодействие разноаспектных факторов. Ср. обсуждаемое самим автором взаимодействие фонематического и морфологического принципов русской орфографии (в рамках Московской фонологической школы слившихся в фонематический принцип, но в сочетании с противоречивым статусом фонемы). С позиций взаимодействия коммуникативного и конструктивного принципов рассмотрены правила постановки каждого знака препи-

---

* Раздельному и дефисному написанию Б.И. Осипов посвящает отдельную лекцию.

нения (с. 355–361). Анализ правил приводит автора к мысли, что ведущим является конструктивно-синтаксический принцип.

Учебник включает два раздела грамматики: «Грамматика простого предложения» и «Грамматика сложного предложения». И, безусловно, можно согласиться с автором, что эти разделы во многом инновационны и, конечно, нетривиальны.

В настоящее время большинство синтаксистов признает, что устройство предложения составляют конструктивный, семантический и коммуникативный аспекты. И в рецензируемом учебнике представлена именно данная точка зрения. Однако если во многих учебниках на первом месте стоит раздел «Конструктивный синтаксис» (что отражает историю развития синтаксиса), то здесь иная последовательность: сначала идет лекция «Основные понятия семантического синтаксиса», затем следуют лекции «Коммуникативный синтаксис» и «Конструктивный синтаксис».

Такой порядок расположения лекций обусловлен логикой авторского осмысления предложения: «От осмысления семантики слов мы идём к осмыслению того, в каких из этих слов содержится новая для нас информация – иначе говоря, к осмыслению коммуникативной перспективы предложения, а уже от неё – к осмыслению конструкций, в которые облакаются те или иные коммуникативные компоненты» (с. 238).

Во всех лекциях автор проводит мысль о взаимосвязи трех уровней предложения и на первый план выдвигает коммуникативный. Следуя схеме описания грамматической системы языка, намеченной в начале 20 века А.А. Шахматовым, Б.И. Осипов описывает члены предложения, «идя от актуального членения»: «Итак, член предложения – это изначально компонент актуального членения, но формализовавшийся и оторвавшийся от своей коммуникативной функции. Любой глагол в личной форме, любое присвязочное имя, независимо от того, входят ли они в тему или рему, будут сказуемыми. Любой косвенный падеж или неизменяемое слово, если они определяют предмет, будут определениями, а если определяют действие – дополнениями или обстоятельствами, в какой бы части актуального членения ни находились» (с. 246).

Признавая центральной задачей синтаксиса изучение предложения (с. 214), автор основное внимание уделяет простому и сложному предложению, теория словосочетания, часто выделяемая в отдельный раздел (в соответствии с концепцией В.В. Виноградова), включена в раздел «Грамматика простого предложения».

Новаторский по содержанию учебник необычен и по манере изложения материала. Он насыщен полемическими высказываниями, критикующими оппонентов. (Например, в параграфах «Понятие о членах предложения», «Классификация предложений по составу их членов» и особенно в лекциях, в которых рассказывается о грамматической природе сложных предложений.) Вполне естественно, что такой критический взгляд сам в свою очередь настраивает на полемику.

Наибольшие возражения, пожалуй, вызывают моменты, связанные с трактовкой диктума и модуса и с классификацией сложноподчиненных предложений.

Б.И. Осипов дает следующее определение компонентов семантической структуры предложения: «Объективная ситуация, отражённая в предложении, называется диктумом, а те субъективные оттенки, которые вносятся в её представление говорящим (модальные, временные различия, активная или пассивная конструкция и т. п.), – модусом» (с. 221). Автор при этом отмечает, что «понятия диктума и модуса привнесены из логики, и их лингвистическое содержание ещё недостаточно прояснено в научных работах. Трудность состоит в том, что вопрос об объективности и субъективности и возникающий вслед за ним вопрос об истинности и ложности того или иного высказывания – это философские, а не лингвистические вопросы» (с. 221), и предлагает в качестве собственно языкового показателя в разграничении диктумной и модусной компоненты в семантической структуре предложения считать «различия между лексическими и грамматическими значениями»: «Многие трудности снимаются, если пропозициональным, диктумным содержанием предложения считать именно его лексико-понятийное содержание, а модусным – грамматические его трансформации, ср.: *Зал наполовину пуст – Зал наполовину пустой – Зал наполовину пустует – Половина зала пуста* и т. п.» (с. 222). Утверждая это, автор семантический анализ заменяет конструктивным.

Критикуя структурно-семантическую классификацию сложноподчиненных предложений, автор не рассматривает такие дифференциальные признаки, различающие виды подчинительной связи по характеру главного компонента, как **предсказуемость – непредсказуемость, обязательность – необязательность, природа синтаксического отношения**. Однако представляется, что без учета этих признаков невозможно понять суть структурно-семантической классификации, и ее критика становится не вполне корректной.

В целом же оригинальный учебник учит студентов не принимать на веру, без доказательств, устоявшиеся точки зрения, а специалистов заставляет, даже и не соглашаясь с автором, по-новому взглянуть на, казалось бы, уже решенные проблемы.

Многие вопросы современной науки о языке в учебном пособии Б.И. Осипова нашли нестандартное воплощение, но в этом ни в коей мере нельзя усмотреть его недостаток: напротив, в этом следует видеть несомненное достоинство: «ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор.; 11, 19).

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. 208 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 133 с.

И.В. Башкова, Т.М. Григорьева, И.Е. Ким